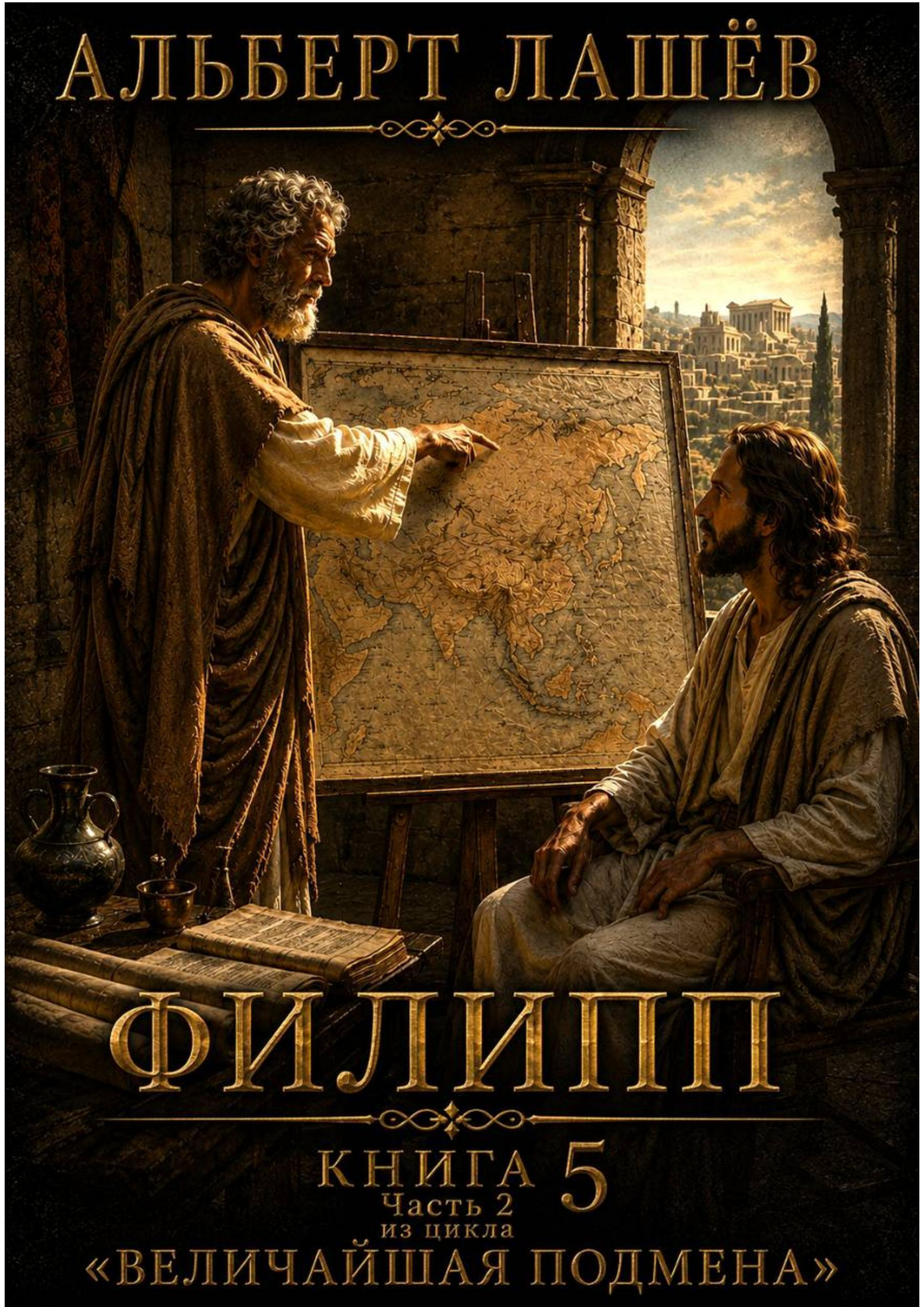

АЛЬБЕРТ ЛАШЁВ

ФИЛИПП

КНИГА 5
Часть 2
из цикла

«ВЕЛИЧАЙШАЯ ПОДМЕНА»

ВЕЛИЧАЙШАЯ ПОДМЕНА

Альберт Лашёв

Филипп – Не Апостол

«Автор»

2026

Лашёв А.

Филипп – Не Апостол / А. Лашёв — «Автор»,
2026 — (ВЕЛИЧАЙШАЯ ПОДМЕНА)

От него не осталось ни строки. Ни проповеди. Ни могилы с подтверждённым именем. В трёх Евангелиях из четырёх он — строка в списке между другими именами. И на этого человека навесили больше, чем на любого из его товарищей: два разных евангелия под его именем, легендарные деяния, культ, гробницу, чужих дочерей и чужую кончину. Мало от него — много под именем. Это первый вопрос книги. У Иоанна Филипп живой: считает хлеба и деньги, принимает эллинов, идущих к Радомиру, спрашивает об Отце — и в обеих репликах стоит одно греческое слово: достаточно. Прагматик. Привратник. Переводчик между мирами. Радомир искал его сам, целенаправленно, и взял без уговоров. Его имя — «любящий коней» — царское македонское имя — не было заменено на функциональный код, как у Петра или братьев-громов. Потому что уже несло нужное. Содержание стёрли — ранг оставили на службу.

© Лашёв А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ВВЕДЕНИЕ. Первый после зачистки.	6
ГЛАВА I. ТОТ, КОГО НАШЛИ	7
1. Имя в списке — и больше ничего.	7
2. Не призван. Найден.	8
3. Монета против деревни.	9
4. Имя, которое не пришлось менять.	11
5. Человек, который считает, сколько достаточно.	12
6. Пусто от него — полно под ним.	13
ГЛАВА II. ЧЕТВЕРО ПОД ОДНИМ ИМЕНЕМ	14
1. Раздача одного имени.	14
2. Куда течёт правка.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Альберт Лашёв

Филипп – Не Апостол

АЛЬБЕРТ ЛАШЕВ

ФИЛИПП – НЕ АПОСТОЛ.

Он страж старого мира

ВВЕДЕНИЕ. Первый после зачистки.

Эта книга — о человеке, которого нет.

От него не сохранилось ни строки, написанной его рукой. Ни одного исповедания веры из его уст. Ни могилы, которую можно назвать его. Ни даты, ни места, ни обстоятельств смерти. В трёх Евангелиях из четырёх он — строка в списке, зажатая между другими именами. И на этого человека, не оставившего ничего, история навесила больше, чем на любого из его товарищей: два разных евангелия под его именем, легендарные деяния, культ, гробницу, чужих дочерей и чужую кончину.

Мало от него — много под именем. Эта асимметрия — первый вопрос книги. Последний её вопрос окажется о другом: о машине, которая такие асимметрии производит.

Наука видела камни, из которых сложен этот вопрос, — по отдельности. Проблему двух Филиппов, апостола и диакона, слитых традицией, обсуждали ещё в девятнадцатом веке; единственная полная монография о Филиппе (Christopher Matthews, Brill, 2002) решила её капитуляцией — объявив, что фигура изначально была одна. Большие комментарии к четвёртому Евангелию отмечают греческие имена Филиппа и Андрея и то, что эллины на празднике идут именно к ним. Специалисты по судьбам апостолов знают свидетельство второго века о том, что Филипп не был мучеником. Псевдоэпиграфичность «Евангелия от Филиппа» — научный консенсус. Камни лежали на виду.

Но никто их не сложил. И причина этого — методологическая, её стоит назвать прямо. Наука работает внутри аксиомы: все Двенадцать были иудеями. Вопрос «а был ли Филипп человеком старой веры?» не отвергнут после рассмотрения — он не поставлен: аксиома закрывает его до постановки. А сама аксиома унаследована от победителей — от той редактуры, которую это расследование вскрывает. Академия не рассматривала этот угол не потому, что рассмотрела и отвергла, а потому что смотрит из точки, откуда его не видно.

У угла этой книги есть предшественники — но не в академии, а в древности. Валентиниане II века помнили Филиппа исповедующим поведением, а не словом. Автор «Послания Петра Филиппу» помнил его отдельным от апостольского собора. Четвёртый евангелист сохранил его без единого кредо — с греческим именем и с посланцами мира многих богов у его двери. Этот угол не нов. Он древний. Просто семнадцать веков под ним было запрещено смотреть.

О методе — коротко, потому что дальше он работает на каждой странице. Первоисточники читаются дословно, по-гречески там, где перевод сглаживает. Каждое утверждение несёт метку уровня: **улика** — то, что проверяется текстом, камнем или пересчётом; **прочтение** — вывод расследования, помеченный как вывод; **оговорка** — честная граница, за которой знание кончается. Враждебный свидетель ценится выше дружественного: то, что противник сохранил ради проклятия, он не стал бы выдумывать в пользу врага. Случайность виляет — умысел течёт в одну сторону: направление правки отличает путаницу от операции. И пустота бывает двух сортов, различимых по шву: где резали написанное — остаются рубцы разночтений; где не писали вовсе — гладко.

И о названии. «Апостол Филипп» — так зовут склеенную фигуру: миссионера с чужими дочерьми, мученика с чужой могилой, автора чужих книг. Титул выдан склейке. Человек, которого найдёт это расследование, был иным: страж старого мира, поставленный у двери, через которую послание входило в мир многих, — он держал её открытой, бесплатно, и ушёл, не оставив двери к самому себе.

Теперь — читай.

ГЛАВА I. ТОТ, КОГО НАШЛИ

1. Имя в списке — и больше ничего.

Открой три первых Евангелия и поищи в них Филиппа. Матфей 10:3. Марк 3:18. Лука 6:14. И ещё раз — Деяния 1:13. Четыре раза, и всякий раз одно и то же: имя в перечне двенадцати, зажатое между другими именами. Ни одного слова из его уст. Ни одного поступка. У синоптиков Филипп не человек — он строка в списке.

Здесь легко поспешить с выводом и сказать: его вычеркнули. Но это слабый ход, и его соблюют первым же возражением. Потому что в том же молчании у синоптиков стоят Варфоломей, Иаков Алфеев, Симон Зилот, Иуда Иаковлев, почти весь Фома. Половина команды — такие же строки в списке. Молчание о Филиппе само по себе его не выделяет. Поэтому вопрос надо перевернуть. Не «почему синоптики убрали Филиппа», а — почему его развернул, дал ему голос и четыре сцены один-единственный поток: Евангелие от Иоанна.

Чтобы ответить, нужно понять, что такое синоптики и чью память они несут. Самый ранний свидетель здесь — Папий Иерапольский, епископ малоазийского города во Фригии, живший на рубеже I и II веков. Его слова сохранил церковный историк Евсевий Кесарийский в «Церковной истории» (3.39.15-16). Здесь важно, кто такой этот Евсевий: не беспристрастный судья, а главный архивариус и пропагандист имперской церкви IV века — тот, кто позже запечатает не одну подмену. Но именно поэтому его свидетельство и ценно: даже в его архиве проступает то, что он не думал выдавать. Папий передаёт слова «пресвитера»: *Марк, став переводчиком Петра, записал точно, но не по порядку, всё, что запомнил из сказанного и сделанного Господом; сам он Господа не слышал и за ним не ходил, а позже следовал за Петром, который приспособлял учение к нуждам слушателей.*

Главное в этом свидетельстве в том, что древнейшая традиция сама говорит: синоптический рассказ — это **отфильтрованная память Петра**. И память Петра держит в фокусе самого Петра и его ближний круг — тех троих, которых берут отдельно: на гору Преображения (Марк 9:2), в Гефсиманский сад (Марк 14:33), в дом Иаира (Марк 5:37). Пётр, Иаков, Иоанн. Филиппа в этой тройке нет. Он не появляется не потому, что его стёрли, а потому что петрова память его не выдвигала. Это устройство потока, а не заговор против Филиппа.

И поток этот тянется в Рим. Тут же, в той же главе, вслед за Папием Евсевий связывает Марка с Петром через Первое послание Петра — по их словам, написанное в самом Риме, который Пётр иносказательно называет «Вавилоном» (1 Петра 5:13). Матфей пишет для иудеохристианской общины и прямо закрепляет петрову власть: «*ты Пётр, и на сём камне...*» (Матфей 16:18). Лука обращается к образованному эллину — «*державному Феофилу*» (Лука 1:3) — и показывает движение упорядоченным и неопасным для Рима. И ровно у Луки, во втором его томе, впервые всплывает другой Филипп — диакон из Семи (Деяния 6, 8, 21). С него начнётся раздвоение, к которому мы вернёмся отдельно.

Линия сходится воедино. Все три синоптика, каждый по-своему, центрируют Петра и власть, ведущую в Рим. Ни одному из этих потоков не нужен грекоязычный Филипп — дверь в эллинский мир. Он нужен был только Иоанну. Поэтому живой Филипп и сохранился в одном Евангелии из четырёх — не по своей малости, а по тому, чей интерес держал перо.

2. Не призван. Найден.

У Иоанна, там, где Филипп впервые входит в историю, первый же стих стоит прочесть медленно, в оригинале. Иоанн 1:43: *ἠθέλησεν ἐξελθεῖν εἰς τὴν Γαλιλαίαν, καὶ εὗρίσκει Φίλιππον* — «*восхотел идти в Галилею и находит Филиппа*».

Глагол тут — *εὗρίσκει*, «находит». Вся цепочка первой главы выстроена показательно. Андрей пришёл сам, от Иоанна Крестителя. Симона привёл Андрей. Нафанаила приведёт Филипп. И только одного человека Радомир ищет и находит лично — Филиппа. Он *восхотел идти* — целевое движение — *и находит*. А дальше два слова: *Ἀκολούθει μοι*, «*иди за Мной*». Без прамбулы. Без чуда. Без единого довода.

В отличие от Нафанаила, которого через минуту придётся убеждать. Филиппу — ничего. Так не уговаривают случайного встречного. Так забирают того, по кого пришли.

Это и есть текстовое доказательство: Радомир не собирал случайных людей, он искал нужных и знал, где их брать. К Филиппу он пришёл с уже принятым решением. Оставалось одно — найти его в правильном месте. И место это в тексте названо.

Улика. Грамматика стиха (*εὗρίσκει* при целевом «*восхотел идти*») плюс отсутствие всякого уговора — против сцен призвания у синоптиков, где ученика зовут от сетей или мытницы. Филипп — единственный, кого ищут и находят.

3. Монета против деревни.

Иоанн 1:44: Филипп был из Вифсаиды, «из города Андрея и Петра».

Народный и церковный образ Вифсаиды — бедная иудейская рыбацкая деревушка на берегу. Эту картинку опровергает немой свидетель, у которого нет ни веры, ни умысла. Монета.

Филипп-тетрарх — сын Ирода Великого, правитель заиорданских земель — всю жизнь чеканил для своей тетрархии монету одного языка: на лицевой стороне голова императора, сперва Августа, затем Тиберия, на обороте — четырёхколонный языческий храм, Августеум, святилище императора в Панаеде (серия по каталогу: Hendin, Guide to Biblical Coins, №№ 1219–1226). Ни еврейского символа, ни местного знака — только император и его храм. Вот денежный язык земли, в которой стояла Вифсаида: **имперский и языческий**. А в 30/31 году, на тридцать четвёртом году правления Филиппа, в серии появляется выпуск с надписью ΙΟΥΛΙΑ ΣΕΒΑΣΤΗ — «Юлия Августа»; исследователи чекана читают его как памятный: он отмечает возведение Вифсаиды в город Юлиаду (Strickert, The Coins of Philip). Задержись на дате: город получил имперское имя не за поколение до событий — в самые их годы.

И это подтверждает римлянин, которому до христианских споров о святых местах не было никакого дела. Плиний Старший, друг императора Веспасиана, в «Естественной истории» (5.71) перечисляет приятные города по берегам Геннисаретского озера: *Юлиада и Гипнос на востоке, Тарихея на юге, Тибериада на западе*. Юлиада — это и есть Вифсаида. Римский первоисточник называет её городом на восточном берегу, и в его списке она стоит наравне с Тибериадой, столицей.

Откуда взялось имя Юлиада — сообщает Иосиф Флавий, и берётся он здесь не как богослов, а как регистратор административного факта, которому сам же радуется. «Иудейские древности» (18.28): Филипп-тетрарх *возвысил селение Вифсаиду у Геннисаретского озера до достоинства города — и числом жителей, и прочим величием — и назвал его Юлиадой, по имени из дома цезаря*. Село (κώμη) поднято до города (πόλις) и переименовано в честь римской императорской семьи. И даже тут имя двойится: Иосиф пишет — в честь дочери цезаря; но дочь Августа Юлия умерла в опале задолго до того, и городу при Тиберии могли дать лишь имя Ливии, вдовы Августа, по завещанию принявшей имя «Юлия Августа». Дочь и вдова — под одной этикеткой. Почерк эпохи: одно имя на разных людях — он встретится в этом расследовании ещё не раз. И стояло оно не в Галилее Ирода Антипы, а в Гавланитиде — части тетрархии Филиппа, на смешанном, эллинизированном пограничье, а не в иудейском сердце страны.

Три свидетельства, ни одно из которых не церковное, сходятся. Монета — немая. Плиний — римлянин. Иосиф — флавианский историк, которому льстит показать край римским и урбанизированным, и потому в этом он самый надёжный из свидетелей: его перекосят туда же, куда наш вывод. Все трое сообщают одно. Вифсаида — не рыбацкая деревня, а эллинизированный имперский полис с именем из дома цезаря, на иудейско-сирийской границе. И есть в этом ирония: город, давший Радомиру его грекоязычного человека, перестроил и переименовал другой Филипп — тетрарх. Родина апостола Филиппа была «городом Филиппа» ещё до него.

Честная оговорка. Точная точка Вифсаиды-Юлиады на карте археологически спорна — две команды раскапывают двух кандидатов, *et-Tell* и *el-Araj*. Но спор о точке не трогает наш аргумент: гражданский статус города — село, поднятое до полиса с имперским именем — зафиксирован монетой, Плинием и Иосифом независимо от того, чей раскоп окажется прав.

Вот куда пришёл Радомир за своим человеком — не в глушь, где живут рыбой. В пограничный полис, где греческое имя — норма, где монета римская, а храм языческий. Он искал интерфейс с эллинским миром — и пошёл туда, где этот интерфейс рождался прямо на глазах: в город, в те самые годы менявший имя на имперское.

4. Имя, которое не пришлось менять.

Есть черта, которая меняет всё: Радомир сам накладывал имена. Симона он сделал Кифой — камнем: *«ты наречёшься Кифа»* (Иоанн 1:42), и сам расшифровал функцией — *«ты Пётр, и на сём камне»* (Матфей 16:18). Братьям Зеведеевым дал имя Воанергес — *«наложил им имена», сыны грома* (Марк 3:17). В этом круге имя бывает кодом — когда его накладывает Учитель.

А Филиппа Радомир не переименовывал. Нигде — ни в каноне, ни в апокрифах. Ни одного наложенного имени, ни одного эпитета на него. К нему он обращается по имени — даже в самый острый момент, *«столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп?»* (Иоанн 14:9), — но это обращение, не наречение. И пустота эта показательна: Радомир перекодировал именем тех, кому менял суть-функцию, — рыбака Симона в камень основания, братьев в ударную пару. Филиппа не тронул, потому что его имя уже несло нужное. Своих внутренних офицеров переименовывают под новую функцию. Интерфейс с греческим миром не переименовывают — его берут готовым.

Само имя несёт многое. *Φίλλος* по-гречески — «любящий коней», от *φίλος*, «любящий», и *ἵπλος*, «конь». Это не имя простолюдина. Это царское имя Македонии: Филиппом звали отца Александра Македонского — того самого завоевателя полумира, чьё имя гремит и сегодня. Отец носил имя Филипп, сын прославил его на весь известный тогда мир — и с тех пор «Филипп» звучит как имя греческих царей. Его носила и династия, правившая на родине апостола: тот самый Филипп-тетрарх, что поднял Вифсаиду до города.

И ещё один слой, сословный. Конь в древности — знак верхов, не простонародья: содержать боевого коня мог только состоятельный человек, и потому «конные» означало знать. В Афинах был особый разряд граждан — всадники, те, кто по достатку держал коня (Аристотель описывает это в «Афинской политике»); в Риме всадническое сословие, *equites*, стояло сразу под сенаторами. Конь — это статус воина и аристократа. Поэтому имя «любящий коней» — метка не пастуха, а человека верхнего, эллинистического мира. Само имя говорит: его носитель принадлежит этому миру и читается им как свой. А это и есть функция, ради которой Радомир его искал, — дверь в греческий мир.

И третий слой — восточный, родовой. Мир, из которого это расследование ведёт корни Радомира, — каппадокийско-иранский — был конским в буквальном, податном смысле. Каппадокия платила персам ежегодно, помимо серебра, полторы тысячи коней (Страбон 11.13.8); каппадокийские послы высечены с конями в поводу на данничьей лестнице Персеполя — в камне, рядом с мидянами и армянами; соседняя Армения слала царю двадцать тысяч жеребят к празднику Митры (Страбон 11.14.9). Знать этого мира учила сыновей трём вещам — «ездить верхом, стрелять из лука и говорить правду» (Геродот 1.136) — и носила имена с корнем *aspa*, «конь»; белых коней приносили в жертву солнцу (Геродот 1.216). В таком мире «любящий коней» — не случайное греческое имя, а греческий перевод самой сути восточного аристократа.

Уровень имени. Имя Филиппа — не доказательство функции, а её corroborация. Доказывают функцию его действия. Наречения от Радомира на Филиппе нет — значит и кода нет; есть совпадение имени с ролью, по которому его и отобрали. Не больше — но и не меньше.

Прочтение автора. Имя выходит интерфейсом на два мира сразу: элин слышит в нём царей Македонии, человек иранского мира — *aspa*-имя знати; для двери к элинам лучшего не подобрать. И конно-всаднический корень перекликается с Воанергесом (сыны грома) — окраска военной аристократии, а не рыбацкой ватаги. Текста, где Филипп при конях, нет; всё это узор на полях, не улика.

5. Человек, который считает, сколько достаточно.

Три оставшиеся сцены достраивают портрет — и, что важнее, все три держит одно греческое слово, проскользнувшее мимо переводов.

Сцена первая — насыщение тысяч. Радомир спрашивает именно Филиппа: «где нам купить хлебов, чтобы их накормить?» И евангелист тут же предупреждает: *τοῦτο δὲ ἔλεγε περὶ αὐτόν* — «это говорил, испытывая его, ибо Сам знал, что собирался сделать» (Иоанн 6:5-6). Вопрос — проверка. Радомир уже знает ответ; он смотрит не на хлеб, он смотрит, как Филипп думает. И Филипп отвечает так, как думает: «на двести динариев не хватит им» — *διακοσίων δηναρίων ἄρτοι οὐκ ἄρκοῦσιν* (6:7). Не порыв веры — расчёт. Он мгновенно переводит «накормить» в деньги и осуществимость.

И вот это слово. *ἄρκοῦσιν*, от *ἄρκέω*: «хватать, быть достаточным». Оно вернётся из тех же уст.

Сцена третья, в горнице, последняя ночь. Филипп говорит: «Господи, покажи нам Отца, и довольно для нас» — *δεῖξον ἡμῖν τὸν πατέρα, καὶ ἄρκεῖ ἡμῖν* (Иоанн 14:8). *ἄρκεῖ* — то же самое слово. «И этого нам достаточно». Тот же ум, что считал, хватит ли хлеба, теперь считает, что достаточно для знания: покажи — и хватит. Филипп — единственный из Двенадцати, чьи обе записанные реплики стоят на одном корне: на мере достаточного. Это не разрозненные сцены — это одна сквозная черта, прошитая словом.

И ответ Радомира вскрывает место Филиппа в конструкции: «столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца» (14:9). Просьба «покажи» — самая прямая, почти гностическая: дай увидеть, и довольно. Филипп ставит вопрос, который снаружи задаёт чужой, внешний человек, — и именно этот вопрос открывает ключевое откровение. Привратник спрашивает то, что спросит входящий.

Честная развилка. Прочтение «Филипп туповат» текстуально возможно. Здесь выбрано «Филипп озвучивает вопрос внешнего» — потому что оно ложится в профиль, собранный из всех остальных сцен, а не противоречит ему. Это выбор интерпретации в пользу связности, и он помечен как выбор.

Сцена вторая — здесь она только названа. На праздник приходят эллины: «господин, нам хочется видеть Иисуса» — и идут именно к Филиппу (Иоанн 12:20-21). Внешний мир знает, через кого входить. Это сцена шлюза в чистом виде — и она требует отдельного разбора, со всей механикой: кто вводит, кто остаётся при Учителе, куда исчезают эллины из текста. Здесь важна только функция: к Филиппу приходят за доступом.

Три сцены сходятся воедино. Человек, который считает ресурс (6:7). Человек, который мерит достаточное и в вере (14:8). Человек, к которому идут за доступом извне (12:21). Это один и тот же склад: прагматик, привратник, переводчик между мирами — не мистик, не силовик. И имя, «любящий коней», именем эллинистической знати лишь подтверждает то, что уже доказали действия.

6. Пусто от него — полно под ним.

Если собрать всё, что у канонического Филиппа есть, встаёт вопрос: где его учение? Где хоть одна проповедь, хоть одно изречение, которое он передал? Их нет. Он считает хлебы (6:7). Он отводит вопрос и переключает на «пойди и посмотри» (1:46). Он принимает эллинов и не вводит их один (12:22). Всё это — действия функции, а не содержания. Филипп в каноне — человек, который делает, но ничего не учит. От него не осталось ни строки мысли.

И здесь надо сразу обезоружить лёгкое возражение, иначе на нём и срежут. «Филипп не оставил следов» — это не его особенность. Ни один из Двенадцати не оставил подлинного автографа: ни Пётр, ни Андрей, ни Фома, ни Варфоломей. Подлинного текста нет ни от кого. Так что «от Филиппа ничего» — это норма апостольской устной культуры, а не личная подпись Филиппа. Если строить его отличие на «он не писал», ответят справедливо: и никто не писал.

Отличие Филиппа не в пустоте. Оно в **асимметрии пустоты**. Варфоломей пуст с обеих сторон: пуст как автор и пуст как имя, на него почти ничего не навесили. Пётр густой с обеих сторон: и память о нём, и тексты под его именем. А Филипп стоит особняком: пустой как автор — и переполненный как имя. На человека, не оставившего ни одного учения, легло целое Евангелие от Филиппа — и, как выяснится, не одно, — легли Деяния Филиппа, Послание Петра к Филиппу, иерапольский культ склеенной фигуры, чужие дочери-пророчицы, Мариамна из «Деяний». Ни на одного второстепенного апостола не навешано столько, сколько на самого молчаливого. Вот формула: **мало от него — много под именем**. И первое — причина второго.

Но прежде чем сделать вывод, поставим логическую границу, иначе вся конструкция повиснет. Само по себе отсутствие следов не доказывает ничего. Пустота одинаково хорошо ложится и на «сознательно стёр себя», и на «стирать было нечего». Из одной пустоты «он прятался» не вытащить. Чтобы прочесть молчание как намеренное, нужен положительный отпечаток — место, где Филипп пойман на том, что он управляет тем, что о деле узнают. И такой отпечаток есть. Скептику-израильянину он даёт не правду о происхождении Радомира, а ту версию, которую тот примет, — «сын Иосифов из Назарета» (1:45), легенду, которой требовала ситуация. Филипп не глупец — он ответил так, как требовала ситуация. Эллинам он не выходит навстречу единоличным узлом, а проводит контакт через второго и подходит вдвоём (12:22). Дважды подряд текст ловит Филиппа на управлении потоком.

Граница честности. В обеих сценах Филипп управляет тем, что узнают о Радомире, — не о себе. Что тот же инстинкт он обратил и на сокрытие самого себя — это вывод из его склада, а не прямое слово стиха. Он помечен как вывод, не выдаётся за факт.

И собирается это в саму механику подмены. Филипп сделал вакуум сам, своим ремеслом: он был тот, кто проводит и не светится. А вакуум не остаётся пустым — его всегда колонизируют. Первой зашла система: пустое имя проще всего слить с другим, склеивать-то нечего, — и Филиппа-апостола слили с Филиппом-диаконом. Следом зашли псевдоэпиграфы: на свободное имя навесили валентинианское евангелие, гностические деяния, женщину по имени Мариамна. Туда, где нет подлинного ядра, заходит и подмена, и чужая проекция.

И в этом Филипп — чище любого другого случая. Иоанна переписывали потому, что он написал слишком много, — его правили, глушили, сглаживали. Филиппа присвоили потому, что он не написал ничего, — его имя просто заняли. Две противоположные операции одной и той же машины: одного душат за избыток, другого колонизируют за пустоту. Подлинный Филипп не в том, что под его именем накопили. Он — в самой этой пустоте. Туда, под имя, и ведёт дорога — к тому, кто и зачем её заполнил.

ГЛАВА II. ЧЕТВЕРО ПОД ОДНИМ ИМЕНЕМ

1. Раздача одного имени.

Прежде чем показать, как из нескольких людей собрали одного, читатель должен твёрдо держать их порознь. Иначе он утонет в «Филиппах» и решит, что путаница — в голове автора, а не в источниках. А она — в источниках, и возникла не вчера.

В новозаветную эпоху имя Филипп носят четверо, и все четверо стоят близко к этой истории.

Первый — Филипп-тетрарх, сын Ирода Великого, правитель Гавланитиды, Трахонитиды и Батанеи (Иосиф Флавий, «Иудейские древности» 18.106). К Радомиру он касательства не имеет. Его след в этом деле один, и он уже знаком по первой главе: он поднял рыбацкую Вифсаиду до города Юлиады (Иосиф, 18.28). Тёзка-веха.

Второй — Ирод Филипп, первый муж Иродиады, той самой, из-за которой покатила голова Крестителя (Марк 6:17). Тоже посторонний человек, тоже чистая тёзка. Эти двое в склейке не участвуют. Их место в списке — напоминание: имя «Филипп» в ту эпоху многолюдно, и земля, где каждый второй правитель — Филипп, Ирод или Юлия, сама готовит материал для путаницы.

Третий — Филипп Апостол, из Двенадцати. Его собрала первая глава: всё его живое поле — Евангелие от Иоанна, при жизни Радомира, внутри круга. Находит Нафанаила, считает хлебы, принимает эллинов, спрашивает об Отце. Грекоязычный привратник. И — это надо держать в памяти — ни дочерей, ни проповедей, ни чудес, ни могилы: текст не даёт ему ничего из этого.

Четвёртый — Филипп Евангелист, он же диакон. Вот его надо развести с апостолом предельно чётко, потому что именно этого человека натянут на апостола. Он появляется не при Радомире, а после, уже в иерусалимской общине: его ставят одним из Семи — раздавать хлеб вдовам (Деяния 6:5). Другой набор, другой момент, другая служба. Дальше все его дела — в Деяниях, и все без Радомира: он проповедует Самарию и сталкивается с Симоном-магом (8:5–13), крестит эфиопского вельможу на пустынной дороге (8:26–40), оседает в Кесарии Приморской — римской столице Иудеи на побережье — и там у него четыре дочери-девственницы, пророчествующие (21:8–9). Странствующий проповедник с домом и потомством.

Положи третьего и четвёртого рядом — текст различает их по всем осям сразу. Время: апостол — при Радомире, диакон — после его ухода. Институт: Двенадцать против Семи. Функция: привратник круга против странствующего проповедника. Семья: у апостола в тексте никого, у диакона четыре дочери. География: Вифсаида и круг — против Самарии, дороги на Газу и приморской Кесарии. Пять осей. Это два разных человека, и различает их не реконструкция, а сам первоисточник.

Честная оговорка. Текст нигде не говорит «это два разных Филиппа, не путайте» — он просто описывает двоих в разных местах, не оговаривая ни тождества, ни различия. Тождество им припишет традиция, и очень рано. Различие доказывается делами, а не декларацией источника, — на этом и стоим.

И заранее — за что зацепится вся склейка: **дочери**. Они — примета четвёртого, диакона (Деяния 21:9). Ни у апостола, ни у обоих Иродов их нет. Значит там, где «дочери» окажутся пришиты к «апостолу из Двенадцати», — там и будет пойман шов.

2. Куда течёт правка.

Как отличить случайную путаницу тёзок от намеренной склейки? Критерий один, и он проверяем: направление. Случайность виляет — сегодня одного приняли за другого, завтра наоборот, что-то теряется, что-то возвращается. Умысел течёт в одну сторону.

Проследим за дочерями, как за меченым зерном в потоке. По тексту они живут в Кесарии Приморской, в доме диакона (Деяния 21:8–9). А предание конца второго века находит их уже во Фригии: Поликрат, епископ Эфесский, в письме римскому епископу Виктору — около 190 года; письмо сохранил Евсевий Кесарийский («Церковная история» 3.31) — сообщает, что в Иераполе покоится *«Филипп, один из двенадцати апостолов»*, и с ним дочери.

Здесь два движения сразу: дочери физически переехали с приморского побережья в Анатолию — и их отец при этом сменил разряд, из диакона стал «одним из двенадцати». Приметы четвёртого пришиты к третьему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.